

На пароходе. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

На пароходе. Максим Горький

Вода реки гладкая, тускло-серебристая, течение ее почти неуловимо, она как бы застыла, принакрытая мглой жаркого дня, и только непрерывное изменение берегов дает понять, как легко и спокойно сносит река старенький рыжий пароход с белой каймой на трубе, с неуклюжей баржей на буксире.

Сонно чмокают шлепки плещ, под палубой тяжело возится машина, сипит-вздыхает пар, дребезжит какой-то колокольчик, глухо ерзает рулевая цепь, но все звуки - не нужны и как будто не слышны в дремотной тишине, застывшей над рекой.

Лето - сухое, и вода - низка; на носу парохода матрос, похожий на монаха, - худощавый, чернобородый, с погашенными глазами на желтом лице, мерно спуская за борт пеструю наметку, стонет-поет печально, тающим голосом:

- Сеем... се-ем... шесть... Словно жалуется:

"Сеем, сеем, а есть - нечего..."

Пароход не спеша поворачивает свой стерляжий нос то к одному берегу, то к другому, баржа рыскает, серый шнур буксира натягивается струною, дрожит; золотыми и серебряными искрами летят от него во все стороны брызги воды, - с капитанского мостика кричат в рупор толстые слова:

- Оол...уо...

Под носом баржи - белый крылатый вал, разрезанный надвое, он волнисто бежит к берегам.

В луговой стороне, должно быть, горят торфяники, там, над черными лесами, нависло опаловое облако, а может, его надышали болота.

С правой стороны берег высок, обрывист, голые глинистые скаты, но иногда они разрезаны оврагом, в нём - в тени - прячутся осины и березы.

Тихо, жарко, безлюдно на земле, в мутно-синем, выгоревшем небе раскаленное добела солнце.

Без конца расплылись луга, кое-где среди них одиноко стоят, заснув, деревья, звездою дневной горит над ними крест сельской колокольни, вскинута в небо серые крылья мельницы, далеко от берега видны парчовые скатерти зреющих хлебов. Люди редко видны.

Всё вокруг немного слинявшее, спокойное и трогательно простое: всё так близко, понятно и мило душе. Смотришь на медленные, неуверенные изменения горного берега, на неизменную широту лугов, на зеленые хороводы леса, - они подходят к воде и, заглянув в зеркало ее, снова тихо уплывают в даль, смотришь и думаешь, что не может быть на земле столь просто и ласково красивых мест, каковы эти вот - тихие берега реки.

Уже на прибрежных кустарниках виден желтый лист, но всё вокруг улыбается двойственной, задумчивой улыбкой молодухи, для которой пришла пора впервые родить, - и страшит ее это и радуется.

Время - далеко за полдень. Пассажиры третьего класса, изнывая от скуки и жары, пьют чай, пиво, многие сидят у бортов, молча глядя на берега. Дрожит палуба, звенит посуда в буфете, и всё вздыхает усыпительно матрос:

- Шесь... шесь с половина-ай...

Из машины вылез копченый кочегар и, развинченно покачиваясь, тяжело шаркая босыми ногами, идет мимо каюты боцмана, а боцман, светловолосый бородатый костромич, стоя в двери и насмешливо прищурив бойкие глаза, спрашивает:

- Куда торопишься?

- Митьку дразнить.

- И то - дело!

Болтая черными руками, кочегар пошел дальше, боцман, неохотно позевнув, оглянулся. Около спуска в машину на длинном ящике сидит маленький человечек в коричневом пиджаке, в новом теплом картузе, в сапогах, облепленных серыми комьями засохшей грязи. От скуки боцману захотелось распорядиться, он строго окрикнул:

- Эй, земляк!

Тот, пугливо и по-волчьи, - всем туловищем, - повернулся к нему.

- Ты чего тут сел? Написано - "Осторожно", а ты сел! Али неграмотен?

Пассажир встал и, оглядывая ящик, отозвался:

- Грамотный.

- А сидишь где нельзя!

- Не видать надпись-то.

- И жарко тут; из машины масляный дух. Ты откуда?

- Кашинской.

- Давно из дома?

- Третья неделя.

- Дожди у вас были?

- Не-е. Какие тут дожди!

- А отчего сапоги у тебя эдак грязны?

Опустив голову, пассажир выдвинул вперед одну ногу, потом другую, посмотрел на них и сказал:

- Это не мои сапоги.

Боцман ухмыльнулся, его светлая борода весело ощетинилась.

- Ты - что, пьющий, что ли?

Не ответив, пассажир тихо, короткими шагами, пошел на корму. Рукава пиджака опустились ниже кистей его рук, стало ясно, что пиджак на нем с чужого плеча. Глядя, как осторожно и неуверенно он шагает, боцман нахмурился, закусил бороду, подошел к матросу, усердно оттирававшему голую ладонью медь на двери каюты капитана, и негромко сказал ему:

- Тут едет маленький, в рыжем пиджаке, сапоги грязные - видал?

- Видал будто.

- Скажи - поглядывали бы за ним.

- Жулик?

- Вроде того.

- Ладно...

За столом, около рубки первого класса, толстый человек, весь в сером, одиноко пьет пиво. Он уже осовел в тяжелом опьянении, глаза его слепо выкатились и, не

На пароходе. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
мигая, смотрят в стену. Пред ним на столе, в липких лужах, копошатся мухи, они ползают по его седоватой бороде, по кирпично-красной коже неподвижного лица.

Боцман сказал, подмигнув на него: ;

- Всё гасит.

- Такое его дело, - отозвался, вздохнув, рябой безбровый матрос.

Пьяный чихнул, мухи тучей взвились над столом; боцман поглядел на них и, тоже вздохнув, сказал задумчиво;

- Мухами чихает...

Я облюбовал себе место на дровах, около трюма кочегарни, и, лежа, смотрю, как темнеют горы, тихо подвигаясь встречу пароходу, бросая на воду траурную пелену. В лугах еще догорает вечерняя заря, стволы берез красны, новая крыша избы у самого берега точно кумачом покрыта, там всё плавится в огне и, теряя очертания, течет широкими ручьями красного, оранжевого, синего, а на горе стоит черный ельник и напряженно приподнят, острый, точеный.

Уже рыбаки зажгли костер под горою, огонь, играя, освещает белый борт лодки, темного человека в ней, паутину сети, повешенной на кольях, и бабу в желтой кофте, присевшую у огня. Над костром и женщиной растопырилось черное ветвистое дерево, и видно, как трепещут золотисто освещенные листья нижних веток.

Примятый сумраком вечера, говор пассажиров слился в сплошной, по-пчелиному гудящий звук: не видно и непонятно, кто о чем говорит, бессвязны слова, но как будто все говорят об одном, дружески и правдиво. Слышен сдержанный смех молодой женщины, на корме ладятся петь, но не могут найти песню всем по душе и негромко, без сердца, спорят. Во всех звуках есть что-то вечернее, мирно-печальное, похожее на молитву.

За дровами, близко от меня, густой, гудящий голос не спеша рассказывает:

- Был он парень-удача, опрятный, гладкой, а после того - замшился, запаршивел, в сучки пошел...

Другой голос, бодрый и звонкий, восклицает:

- Не тянись к барам, не пройдет даром...

- Однако сказано, рыба ищет - иде глубже...

- А дурак - что хуже! Он тебе не родня?

- Брат родной...

- О? Ну, прости за слово.

- Ничего. Он - дурак и есть, ежели прямо-то сказать...

К отводу подошел пассажир в коричневом пиджаке; держась левой рукой за стойку, он шагнул на решетку, под которой пенно кипела вода, взбитая колесом, и долго стоял, глядя за борт, покачиваясь, напоминая летучую мышь, которая, зацепившись одним крылом за что-то, висит в воздухе. Глубоко надвинутый картуз согнул ему уши, и они смешно оттопырились.

Вот он обернулся, всматриваясь в сумрак под тентом парохода и, должно быть, не различая меня в дровах. Мне хорошо видно его лицо - острый нос, клочья рыжеватой шерсти на щеках и подбородке, маленькие, неясные глаза. Он, видимо, прислушивается к чему-то.

Вдруг он решительно шагнул на отвод, быстро отвязал от железа перил швабру, бросил ее за борт и тотчас стал отвязывать другую.

- Эй, - окликнул я его, - это зачем?

На пароходе. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Он подпрыгнул, завертелся и, приложив руку ко лбу, отыскивая меня глазами, заговорил тихонько, быстро, заикаясь:

- Какое дело, а? Вот ведь!..

Я подошел к нему, удивленный и заинтересованный его озорством.

- За это с матросов взыщут...

Поочередно подтягивая вверх рукава пиджака, точно собираясь драться, и тихо припопывая ногою по скользкой решетке, он бормотал:

- Я вижу - отвязалась она, сейчас ее стрясет в реку! Хотел привязать да и не сумел - ускользнула из рук.

- А мне показалось, - заметил я, - что вы ее сами отвязали да сбросили.

- Ну вот, - зачем же! Разве можно!

Легко и быстро проскользнув под рукой у меня, он пошел прочь, всё поправляя рукава. Пиджак смешно укорачивал его ноги, и снова бросилось в глаза, что походка у него какая-то виляющая, тревожная.

Ночь пришла: люди заснули, ухо привыкло к неугомонному шуму машины, к мерному хлюпанью колес по воде и уже не воспринимает этот шум. Сквозь него ясно слышен храп спящих, тихие шаги, чей-то возбужденный шепот:

- Говорила я ему, ах говорила: "Яша, не надо, не надобно!"

Берега исчезли, о них вспоминаешь только по движению редких огней во тьме. В реке тускло блещут звезды, а за парходом текут золотые отражения его огней, - дрожат, как будто желая оторваться и уплыть во тьму. Парчовая пена лижет темный борт; за кормою, настигая парход, тащится баржа, на носу у нее прищурились два огня, а третий, на мачте, то заслоняет звезды, то сливается с огнями берега.

Недалеко от меня, на скамье, под фонарем, крепко спит дородная женщина, одна рука ее закинута под голову, на небольшой узел, кофта под мышкой лопнула, видно белое тело, и обильные волосы косицей высунулись наружу. Лицо у нее большое, чернобровое, полные щеки оплыли к ушам, растянув толстые губы в нехорошую, мертвую улыбку.

Я лежу выше ее, поглядываю на нее сверху вниз и думаю сквозь дрему:, ей лет сорок с лишним, наверное, она добрая баба, едет к дочери, к зятю или к сыну и невестке, везет им подарки и много славного, материнского в большом сердце.

Что-то вспыхнуло, точно близко спичку зажгли, я открыл глаза пассажир в чужом пиджаке стоял около женщины, прикрывая рукавом горящую спичку, потом, осторожно вытянув руку, он приблизил маленький огонь к волосам под мышкой женщины, - я услышал тихий треск и противный запах паленой шерсти.

Вскочив, я схватил озорника за шиворот, встряхнул:

- Что ты делаешь?

Чуть слышно, противно хихикая, он вертелся в руке у меня и шептал:

- Как бы она испугалась, а?

- Ты сума сошел, чёрт!

Он, часто моргая, заглядывал куда-то за спину мне, вертелся и шептал:

- Да - пусти! Захотелось пошутить, - беда ли? Вон она, - спит себе...

Я оттолкнул его, он бесшумно откатился на коротких, точно обрубленных ногах, оставив меня в тоскливом недоумении:

"Значит - я не ошибся, швабру он нарочно сбросил. Что за человек?"

В машине задребезжал колокольчик.

- Есть тихой! - весело крикнул кто-то.

Завыл гудок, женщина проснулась, быстро подняла голову, пощупала левой рукой под мышкой и, сморщив измятое лицо, взглянула на фонарь. Села и, заправляя под платок сбившиеся волосы, сказала тихонько:

- О матушка, пресвятая богородица... ..Пароход стоял у пристани, чуваша таскали дрова,

с грохотом сбрасывая их в трюм кочегарни, а перед тещ как сбросить, сердито кричали странное слово:

- Труш-ша!

Над городком, прижатым к горе, поднялась ущербленная луна, черная река посветлела, ожила, лунный свет словно вымыл всю землю теплой водой.

Я ушел на корму и сел там среди каких-то ящиков, разглядывая город, вытянувшийся по берегу. Над одним его концом толстой палкой торчала труба завода, над другим и в середине - поднялись две колокольни, одна - с золотой главой, другая, должно быть, зеленая или синяя, теперь, при луне, она кажется черной и похожа на истертую малярную кисть.

Против пристани в широкое чело двухэтажного дома воткнут фонарь, вздрагивая, горит за грязными стеклами бескровный, тусклый огонь, и по длинной полосе изогнутой вывески ползают желтые крупные буквы: "Трактир с", дальше буквы не видны.

Еще в двух-трех местах сонного города зажжены фонари, пятна мутного света стоят в воздухе, - освещая углы крыш, серые деревья и окно, нарисованное белой краской на глухой стене.

Смотреть на всё это грустно.

Пароход шипит, возится, трется о борт пристани, скрипит дерево, вздыхает вода, кто-то свирепо орет:

- Дьявол! Кранцы, - кранец на корму, чтоб те разорвало...

- Пошли, слава создателю, - говорит за ящиками уже знакомый, бодрый голос и спрашивает густо:

- Ну, дак как же, поди, кричал он? Торопливо и невнятно, причмокивая, заикаясь, кто-то отвечает:

- Кричал: родимые, кричал, не убивайте, помилуйте, Христа ради! Всё, кричит, вам спишу, в крепкие ваши милые рученьки, дайте греха избыть, душеньку отмолить! На богомолье пойду, пропаду на всю жизнь, до конца даже, не увидите, не услышите, - а тут шкворнем его по виску, ажио на меня кровью брызнуло, он и покатился. А я - бежать, прибег в кабак-то, стучу-кричу: сестрица родная, убили совсем батюшку-то, а она из окошка вывесилась - так, говорит, ему, волку беспутному, и надо! Ох, как страшно было, - ночь эта, до того ли напугался я - беда! Залез на чердак сначала, нет, думаю, найдут и прикончат, как я Прямой наследник ко всему имуществу; вылез на крышу, за трубу спрятался, сию, держусь за нее руками-ногами и онемел со страху.

- Чего же тебе-то было бояться? - перебил рассказчика бодрый голос. Ведь ты, с дядей, тоже шел против отца?

- В таких делах расчета нету: одного убил по иужде, а другого и так можно, просто...

- Верно, - сказал густой голос тяжело и глухо, - это верно! Абы один раз кровь пролить, на другой она сама поманит. Убивать кто начал - ему всё равно за что, хоть за то, что не стой близко

- Однако тут - ежели он правду рассказывает - за дело! Хозяйство зорить нельзя...
- А и убивать самовольно тоже не порядок! Для неправильных людей суд есть...
- Дойди-ко до него! Вон малый-то, боле года зря в тюрьме сидел...
- Как же - зря? Он отца в избу заманивал? Ворота запер?

Снова быстрым ручьем потекли всхлипывающие, мятые слова, - я догадался, что рассказывает про убийство человек в грязных сапогах.

- Я себя не оправдываю, я ведь и на суде всё это сказал, потому и лишили меня наказания. Их дядю с братом - в каторгу, а меня отпустили вот...

- А ты знал, что они согласились убить отца-то?

- Я думал - только пострадают. Он, батюшка-то, не признавал меня за сына, езуитом звал... Очень многие люди плакали через него...

- Мало ли через что люди плачут! Эдак-то, ежели все причины слез наших поубивать, - чего с нами будет? Ты пролей слезу, а кровь - не тронь, не твоя! Думаешь - твоя в тебе кровь-то? И в тебе она не твоя, не то что...

- Тут, главное, имущество! Жили-жили, наживали, вдруг - всё начало тлеть да пропадать. Поневоле ум потеряешь, озлобишься и на отца родного... Однако надо маленько поспать...

Мимо меня прошел высокий человек в черном чапа-не и картузе с большим козырьком.

За ящиками стало тихо, я встал и посмотрел туда: пассажир в коричневом пиджаке привалился, съжившись, ко груди каната, руки он засунул в рукава и, положив на колени, оперся на них подбородком. Луна смотрела прямо в лицо ему - оно было синевато, узкие глаза спрятались под бровями.

Рядом с ним, вверх грудью, ко мне головой, лежал широкоплечий мужик в коротком полушубке, в белых валяных сапогах с мушками. Кудрявая, вся в кольцах, серая борода его жестко торчала вверх; закинув руки под голову, он смотрел воловьими глазами в небо, где тихо блестели редкие звезды и таяла луна.

Трубным звуком, безуспешно стараясь смягчить голос, он спросил:

- Значит - дядя-то на барже едет?

- Да. И брат.

- А ты - тут? Дела!

По синевато-серебряной пенной дороге тащилась, взрывая ее, как соха, темная арестантская баржа. При луне огни ее побледнели, корпус с железной клеткой на палубе поднялся выше над водою. С правой руки плыл, волнисто изгибаясь, черный мохнатый берег.

И всё вокруг - мягкое, текучее, тающее - возбуждало тоскливое чувство неустойчивости, непрочности.

- Куда же ты едешь?

- Да вот... увидаться с ними надобно.

- По хозяйству?

- А как же...

- Я те, малой, вот что скажу: брось всё - дядю, хозяйство, всё бросай! Коли в кровь попал, да еще в родную, - удались прочь ото всего!

- А хозяйство-то как? - подняв голову, спросил парень.

- Толкуй с тобой! - сердито сказал мужик, закрыв глаза.

Рыжеватая шерсть на лице парня зашевелилась, как под ветром, он крикнул, оглянулся и, заметив меня, зло крикнул:

- Ну, - чего глядишь?

Большой мужик открыл глаза, посмотрел на него, на меня и загудел:

- А ты не ори, варезка!

Я ушел на свое место и лег спать, думая, что мужик верно сказал, лицо парня очень похоже на шерстяную, истертую варезку.

Мне приснилось, будто я крашу колокольню, а огромные большеглазые галки, летая вокруг ее главы, бьют меня крыльями, мешают работать. Отмахиваясь от них, я сорвался, упал на землю торчмя головой и тотчас проснулся от боли, - тошное, тупое ощущение слабости и дурноты мешало дышать, пред глазами колебался, одуряя, разноцветный туман, а из головы, за ухом, текла кровь.

С трудом поднявшись на ноги, пошел на отвод к водокачке, облил голову тяжелой струей холодной воды, крепко обвязал полотенцем и, возвратясь на свое место, стал осматривать его, соображая: как это могло случиться со мною?

Спал я на палубе, около поленницы мелких дров, приготовленных для кухни; там, где лежала моя голова, валялся березовый кругляш. Я поднял полено, посмотрел - оно чистое, всё в тонких, шелковых кудрях бересты, и эти кудри тихонько шуршат. Вероятно, это полено и стрясла на голову мне непрерывная дрожь парохода.

Успокоенный, зная, как объяснить этот неприятный случай, я отправился на корму, где нет тяжелых запахов и широко видно. . .

Были те минуты перелома ночи, минуты крайнего напряжения ее пред началом рассвета, когда вся земля кажется глубоко и надолго погруженной в непробудный сон, когда полнота тишины возбуждает в душе особенную чуткость, звезды странно близки к земле, а утренняя звезда ярка, точно маленькое солнце.

Но уже небо, холодно серея, незаметно теряет ночную мягкость и теплоту; лучи звезд опадают, как лепестки цветов, луна, доселе золотистая, бледнея, опыляется серебром и уходит всё дальше от земли. Вода реки неуловимо изменяет свой густой, маслянистый блеск, в ней капризно являются на миг и тотчас исчезают жемчужные отражения быстрых изменений цвета небес.

А на востоке, над черными зубцами елового леса, уже поднята - повисла тонкая, розовая пелена; она разгорается всё ярче, и ее слишком нежный, сладковатый цвет приятно густеет, становится всё более смелым и ярким, точно шепот робкой молитвы переходит в ликующую песнь благодарности. Еще миг, и острые вершины елей вспыхнули красным огнем, горят, как праздничные свечи во храме.

Невидимая рука бросила на воду и влачит по ней прозрачную ткань разноцветного шёлка, предутренний ветер покрыл реку серебристой чешуей, глаза устают следить за игрою золота и перламутра, багреца и зеленовато-голубых пятен обновленного солнцем неба.

Веером раскрылись первые, мечеобразные лучи, концы их ослепительно белы, и кажется, что слышишь, как с безграничных высот ниспадает на землю густой звон серебряных колоколов, торжественный звон встрече грядущему солнцу, - над лесом уже виден красный его край, - чаша, полная сока жизни, опрокинута над землю и щедро льет на нее свою творческую мощь, а с лугов в небо поднимается, точно дым кадильный, красноватый пар. С горного берега мягко легли на реку зеленые тени прибрежных деревьев, ртутью блестит роса на траве, птицы проснулись, белая чайка летит над водой, белая тень ее скользит по цветной воде, а солнце жар-птицей всплывает всё выше в зеленовато-голубые небеса, где, угасая, серебряная Венера - тоже как птица.

По желтой полосе прибрежного песка бегают голенастые кулики; двое рыбаков, выбирая снасть, качаются в лодке на волне парохода; с берега плывут чуть слышные

На пароходе. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
звуки утра – поют петухи, басовито мычит скот, слышны упрямые голоса людей.

Желтые ящики на корме парохода тоже покраснели, и красной стала сивая борода большого мужика, – распластав тяжелое тело по палубе, он спит с открытым ртом, гулко всхрапывая; брови его удивленно подняты, густые усы шевелятся.

В углублении, среди ящиков, кто-то завозился, вздохнул; заглянув туда, я встретил воспаленный взгляд узких маленьких глаз, мохнатое лицо-варежка было еще более худо и серо, чем вчера. Человеку, видимо, холодно, он скорчился, воткнул подбородок между колен, обнял ноги шершавыми руками и тоскливо, затравленно смотрит снизу вверх, прямо в глаза мне, устало, безжизненно говоря:

– Ну, нашел? Ну – бей! Вали!.. Я – тебя, ты – меня, – ну!

Удивленный почти до испуга, я тихонько спросил:

– Это ты меня ударил?

– А где свидетели? – сипло и негромко крикнул он, разняв руки и вскидывая голову с оттопыренными ушами, точно раздавленную нахлобученным картузом, сунул руки в карманы пиджака и вызывающе повторил:

– Свидетели – есть? Пошел к чёрту!

Было в нем что-то беспомощное, лягушечье, – он вызывал чувство брезгливости. Говорить с ним не хотелось, и не было желания отомстить ему за дрянной удар. Я молча отвернулся.

А когда, через минуту, снова взглянул – он сидел в прежней позе, обняв руками колена, положив на них подбородок, и смотрел мертвым взглядом красных от бессонницы глаз на баржу, тянувшуюся за пароходом, между двух широких лент вспененной воды, игравшей на солнце, как ядреная брага.

И праздничное, утреннее веселье, ясный блеск неба, ласковые краски берегов, певучие звуки юного дня, бодряя свежесть воздуха – всё вокруг еще более печально оттеняло глаза маленького человека, их неживой, чуждый всему взгляд...

Когда пароход отвалил от Сундыря, человек этот бросился в воду, – он прыгнул за борт на глазах людей, и тотчас же все на палубе заорали, заметались, толкая друг друга, жадно пробиваясь к бортам, быстро оглядывая спокойную реку, всю от берега до берега в ослепительном блеске.

Прерывисто и набатно гудел гудок, матросы бросали в воду спасательные круги, точно барабан, ухала палуба под прыжками и беготней людей, испуганно шипел пар, истерически кричала какая-то женщина, а на мостике дико орал капитан:

– Довольно бросать! Обалдел, подлец! Успокаивай публику, чёрт вас...

Немытый, нечесаный священник, придерживая обеими руками встрепанные волосы, толкал всех толстым плечом, подставлял ноги людям и, пугливо тараща глаза, спрашивал одно и то же:

– Мужик али баба? А? Мужик?

Когда я пробился на корму, человек был уже далеко за кормой баржи, на широком стекле воды чуть виднелась его голова, маленькая, словно муха. К ней быстро, как водяной жук, подплывала рыбацья лодка, качались два гребца – красный и серый, от лугового берега спешно мчалась еще одна, прыгая на волне веселым теленком.

В тревожный шум на пароходе вливался с реки тонкий, режущий сердце крик:

– А-а-а...

И в ответ ему остроносый, чернобородый мужик в хорошем чапане бормотал, причмокивая:

– Ах, дурашка... экой несуразной, а?

На пароходе. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

А мужик с курчавой бородою убежденно и крепко говорил, заглушая все голоса:

- Не-е, совесть свое возьмет! Вы там судите, как назначено, а совесть нельзя погасить-Перебивая друг друга, они стали рассказывать публике тяжелую историю рыжеватою парня, а рыбаки уже подняли его из воды и, торопливо взмахивая веслами, везли к пароходу.

- Как увидели они, - трубил бородатый мужик, - что он около солдатки этой совсем завертелся...

- А имущество, после отца, неделенное, - смекни! - вставил мужик в чапане, и всё время, пока бородач с жаром рассказывал историю убийства человека братом, племянником и сыном, этот опрятный, сухой, солидно одетый мужик, ухмыляясь, вставлял в густую речь бодрым голосом бесчисленные острые слова и поговорки, точно колья в землю забивал, городя плетень.

- Всякого туда тащит, иде еда слаще. - В сладком-то - яд!

- А ты его не ешь, не л обишь?

- Ну, так что? я не праведник!

- Ага? То-то!

- Что - то-то?

- Ничего! Псу - не укор, коли цепь коротка.

И, нос к носу друг с другом, они начали возбужденно спорить, влагая в простые, но неожиданно ловко соединенные слова какие-то только им понятные мысли. Один - тонкий, весь вытянувшийся вверх, с холодным взглядом насмешливых глаз на темном костлявом лице, говорил бойко, звонко и всё приподнимал плечи: другой - широкий и огромный, раньше казавшийся спокойным, уверенным в себе и всё решившим, теперь дышал тяжело, в его воловьих глазах горела тревожная злость, на лице выступили красные пятна, борода оцетинилась.

- Стой! - уже рычал он, размахивая рукой, вращая мутными зрачками. Как так? Али господь не знает, в чем надо стеснить людей?

- Господь ни при чем, коли ты бесу служишь...

- Врешь! Кто первый руку поднял?

- Каин, - ну?

- А кто впервой покаялся?

- Ну, - Адам?

- Ага-а!..

- Привезли!

Публика хлынула с кормы, увлекая за собою спорщиков; худой мужик опустил плечи и плотно запахнул чапан, бородатый пошел за ним быком, наклоняя голову, беспокойно передвигая зимнюю шапку с уха на ухо.

Тяжело ворочая колесами, пароход старался удержаться на течении, и следя, чтоб баржа не навалилась на корму, капитан всё время орал в рупор:

- Лев-во клади, рябая морда! Лево-о-о! Рыбачья лодка подобралась к борту, утопавшего подняли на палубу, - он был мягок, как неполный мешок, весь Сочился водою, шершавое лицо его стало гладко и наивно.

Его положили на крышку багажного трюма, но он тотчас же сел, согнулся и, крепко приглаживая ладонями мокрые волосы, спросил глухо, ни на кого не глядя:

- Картуз поймали?

На пароходе. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Из тесной кучи людей, окружившей его, кто-то посоветовал:

- Не про картуз, а про душу надоть бы вспомнать.

Он громко икнул, обильно, как верблюд, отрыгнув мутную струю воды, посмотрел на людей усталыми глазами и равнодушно проговорил:

- Убрали бы меня куда-нибудь... Боцман строго сказал ему:

- Ляг!

Парень покорно опрокинулся на спину, заложил руки под голову и прикрыл глаза, а боцман стал вежливо уговаривать зрителей:

- Расходитесь, господа публика! Что тут глаза пялить? Нисколько даже не забавно... Мужик, чего вылупился? Аида, пошел прочь!

Люди, не стесняясь, сообщали друг другу:

- Отцеубийца.

- Да что-о вы?

- Такой мозгляк?

Боцман, присев на корточки, строго допрашивал спасенного:

- Куда билет?

- До Пермы.

- Ну, брат, теперь и в Казани слезешь. Как зовут?

- Яков.

- А фамилья?

- Башкин. Мы же - Вуколовы.

- Двойная, стало быть, фамилья...

Бородатый мужик с явным ожесточением трубил во всю грудь:

- Дядю-то и брательника на каторгу осудили, тут они и едут, на барже, а он - вот он! - ему вышло оправдание. Ну, однако это только наличность: как ни суди, а убивать нельзя! Совесть этого не может поднять, крови, значит. Даже и близко быть к убийству - нельзя...

Всё больше собиралось публики, вышли разбуженные пассажиры первого и второго классов, между ними толкался черноусый, розовый помощник капитана и, конфузясь чего-то, спрашивал:

- Извините, вы не доктор?

Кто-то, удивленно, высоким голосом воскликнул:

- Я? никогда!

Над рекою мощно разыгрался веселый, летний день. Было воскресенье, на горе заманчиво звонили колокола, луговой стороной около воды шли две пестро одетые бабы и, размахивая платками, звонко кричали что-то пароходу.

Парень, закрыв глаза, лежал неподвижно. Теперь, без пиджака, плотно облепленный мокрой одеждой, он стал складнее, было видно, что грудь у него высокая, тело полное, и даже замученное лицо сделалось как будто красивей и круглей.

Люди смотрели на него жалостно, строго и со страхом, но - все одинаково

На пароходе. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
бесцеремонно, точно это был не живой человек.

Тощий господин, в сером пальто, рассказывал даме с лиловым бантом на желтой соломенной шляпе:

- У нас, в Рязани, осенью, часовых дел мастер повесился на отдушнике. Остановил все часы в магазине и повесился. Спрашивается: зачем было останавливать часы?

Только чернобровая женщина, спрятав руки под шалью, разглядывала спасенного, стоя боком к нему, скосив глаза, и на серовато-синих глазах ее застыли слезы.

Пришли два матроса; один, наклонясь над парнем, тронул его за плечо:

- Эй, вставай-ко! Он устало поднялся, и его увели куда-то...

Через некоторое время парень снова явился на палубе гладко причесанный, сухой, в коротенькой, белой куртке повара, в синих нанковых штанах матроса. Заложив руки за спину, вздернув плечи, согнувшись, он быстро прошел на корму, а вслед за ним туда поползли скучающие люди - один, три, десять.

Там он уселся на канате; несколько раз - по-волчьи ворочая шеей оглянул людей и, нахмурясь, подперев скулы руками в рыжей шерсти, уставил глаза на баржу.

Люди стояли и сидели под жарким солнцем молча, вожделенно разглядывая его, явно желая заговорить и еще не решаясь; пришел большой мужик, оглядел всех и, сняв шапку, вытер ею потное лицо.

Серенький, красноносый старичок, с редкой, ершистой бородкой и слезящимися глазами, откашлялся и заговорил первый слащавым голосом:

- Скажи ты, пожалуйста, как же это случилось?

- Зачем? - недвигаясь, сердито спросил парень. Старичок вынул из-за пазухи красный платок, встряхнул его и, осторожно приложив к глазам, сказал сквозь платок спокойным тоном человека, решившего настоять на своем:

- Как - зачем? Случай такой, что все должны... Бородатый мужик вылез вперед и загудел:

- А ты - говори! Легче будя! Грех надо знать... И - точно эхо отозвалось - раздался насмешливый, бодрящий возглас:

- Поймать да связать...

Чуть приподняв брови, парень негромко сказал:

- Отстали бы от меня...

Старичок, аккуратно сложив платок, спрятал его и, подняв сухую - точно петушиная нога - руку, усмехнулся остренькой усмешкой:

- Может, люди не из пустого интереса просят...

- Плевать мне на людей,; - буркнул парень, а большой мужик, притопнув, заревел:

- Как так? А куда от них денешься?

Он долго и оглушительно кричал о людях, о боге и совести, дико выкатывая глаза, взмахивая руками, и, разъярясь всё больше, становился страшным.

Публика, тоже возбуждаясь, одобряла его, подкрикивая:

- Верно-р! Во-от...

Парень сначала слушал молча, неподвижно, потом разогнул спину, встал, спрятав руки в карманы штанов, и, покачивая туловище, начал оглядывать всех зло и ярко разгоревшимся взглядом зеленоватых глаз. И вдруг, выпятив грудь, закричал сипло:

На пароходе. Максим Горький gorkiy@mail.ru
- Куда пойду? В разбой пойду! Резать буду всех... Ну, вяжите! Сто человек зарежу! Всё одно, мне души не жаль, - кончено! Вяжите, ну?

Говорил он задыхаясь, плечи у него дрожали, ноги тряслись, серое лицо мучительно искажилось и тоже всё трепетало.

Люди угрюмо, обиженно и жутко загудели, отступая от него и уходя, некоторые стали похожи на парня - озлились так же, как он, и рычали, сверкая глазами. Было ясно, что сейчас кто-нибудь ударит его.

Но он вдруг весь стал мягкий и точно растаял на солнце, ноги его подогнулись, он рухнул на колени, наклонив голову, как под топор, едва не ударившись лицом об угол ящика, и, хлопая ладонями по груди, стал кричать не своим голосом, давясь словами:

- Разрешите, - как же я? Виноват я? Сидел в остроге, ну, после судили, сказали - свободен.

Он хватал себя за уши, за щеки, раскачивая голову, точно пытаясь оторвать ее.

- Ага-а? - рявкнул большой мужик. От его крика люди испуганно шарахнулись прочь, несколько человек поспешно ушли, остальные - с десятков растерянно и угрюмо топтались на одном месте, невольно сбиваясь в тесную кучу, а парень надорванно говорил, болтая головою:

- Уснуть бы мне лет на десять! Всё пытаю себя, не знаю - виноват али нет? Ночью вон этого человека ударил поленом... Иду, спит неприятный человек, дай, думаю, ударю - могу? Ударил! Виноват, значит? А? И обо всем думаю - могу али нет? Пропал я!..

Должно быть, окончательно истомившись, он перевалился с колен на корточки, потом лег на бок, схватил голову руками и сказал последние слова:

- Убили бы меня сразу...

Было тихо. Все стояли понурившись, молча, все стали как-то серее, мельче и похожи друг на друга. Было очень тяжело, как будто в грудь ударило большим и мягким - глыбой сырой, вязкой земли. Потом кто-то сказал смущенно, негромко и дружески:

- Мы, брат милой, тебе не судьи... Кто-то тихонько добавил:

- Сами, может, не лучше...

- Пожалеть - можем, а судить - нет! Пожалеть тебя - это можно! А боле ничего...

Мужик в чапане сказал звонко и торжествуя:

- Пусть господь судит, а люди - будет!

Еще один человек отошел прочь, говоря кому-то:

- Вот и разбери тут! А судья - он сразу, по книге - виноват, не виноват...

- Абы скорей мимо прошло...

- Всё торопимся, а - куда? - То-то и оно.

Откуда-то выдвинулась чернобровая женщина; спустив шаль с головы на плечи, она заправила тронутые сединою волосы под синий, выгоревший платок, деловито подогнув подол юбки, села рядом с парнем, заслонов его от людей дородной своею фигурой, и, приподняв мягкое лицо, сказала ласково, но владычно:

- Уйти бы вам отсюда...

Ее послушались, побрели прочь; большой мужик, уходя, говорил:

- Вот - на мое вышло! Совесть-то объявилась... Но сказал он эти слова без

На пароходе. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
удовольствия, задумчиво и скучно.

Красноносый старичок шел малой тенью сзади его, открыв табакерку, он смотрел в нее мокрыми глазами и, не торопясь, сеял по пути свои слова:

- А иной раз и совестью играет человек, он тоже шельма ведь, человек-от! Выставит ее, совесть, поперед всех хитростей своих, всех планчиков-затеек, да тем и попрячет их в дымке словесном. Зна-аем! Люди заглядятся - эго, мол, сколь жарко душа горит, а он им той порой кою руку на сердце, кою - в карман...

Любитель поговорок широко распахнул чапан, спрятал под него руки и бойко пояснил:

- Стало быть: верю - всякому зверю, и лисе, и ежу, а шабру - погожу?

- В этом роде, почтенный! Уж очень искажился народишко...

- Н-да... нестройно растет...

- Тесно, братцы! - загудел большой мужик. - Некуда расти-то! Тесно же!

- И растем оттого в ус да в бороду, в сук да в бо-лону...

Старик внимательно оглядел мужика, согласился:

- Тесновато!

Потом сунул в нос щепоть табаку и, остановись, закинул голову в ожидании, когда придет время чихнуть. Не дождался и, сильно выдохнув ртом воздух, сказал, вновь измерив мужика глазами:

- А надолго ты сделан, дядя! Мужик спокойно кивнул головой:

- Хватит еще...

Впереди уже видно Казань, главы церквей и мечетей в голубом небе, как бутоны странных цветов. Серая стена кремля опоясывает их. И выше всех церквей - грустная башня Сумбеки.

Здесь мне сходить на берег.

Я еще раз заглянул на корму парохода: чернобровая женщина разламывала над коленями сухую пшеничную лепешку, - разламывала и говорила:

- Чайку попьем! Мне с тобою - до Чистополя. Парень притулился к ней и задумчиво смотрел на ее большие руки, мягкие, но, видимо, сильные, привычные к простой работе. Он бормотал:

- Замаяли меня...

- Кто?

- Люди разные. Боюсь я их...

- Ну, чего бояться...

- Так бы всех и...

Женщина подула на кусок лепешки и, протягивая его парню, спокойно сказала:

- А ты полно-ка!.. Вот, я те скажу одну историю-случай, - али чайку прежде попьем, а?

По берегу тянется пестрое, богатое село Услон, ярко одетые бабы и девки радужно плывут по улице; играет на солнце пенная вода; жарко, мутно, и всё как сон...

ПРИМЕЧАНИЯ

НА ПАРОХОДЕ

Впервые, с подзаголовком "Из воспоминаний "проходящего"", напечатано в журнале "Вестник Европы", 1913, кн. 5, стр. 5 - 25.

Стр. 322. Се-ем... се-ем... шесть... - "Каждому проезжавшему по Волге, наверное, не раз приходилось слышать раздающиеся по временам на носу парохода однообразные восклицания: "три с половиной", "три", "пять с половиной", "шесть", "табак" и пр. Подобным образом докладываются матросом шкиперу результаты измерения глубины русла шестом на мелких местах. Это называется "плавание с наметкой" ("Россия. Полное географическое описание нашего отечества", под ред. В. П. Семенова, т. 1, СПб., 1899, стр. 198).

Стр. 324. Кашинской - из города Кашина Тверской губернии (теперь Калининская область), расположенного на реке Кашин-ке - притоке Волги.

Стр. 328. Труш-ша - вероятно, чувашское "Тарашша!" в значении "живее".

Стр. 334 ..пароход отвалил от Сундыря... - Село Сундырь (переименовано в 1856 году в Мариинский Посад) Чебоксарского уезда, Казанской губернии, расположено на правом берегу реки Волги при впадении в нее реки Сундырки. В настоящее время - город, центр Мариинско-Посадского района Чувашской АССР.

Стр. 341. ..грустная башня Сумбеки. - Башня Казанского кремля, памятник архитектуры, оставшийся от Казанского ханства. По одному из татарских преданий, это мавзолей, воздвигнутый ханшей Сумбекой в память второго мужа ее Сафа-Гирея, умершего в 1549 году. "По имени этой ханши башня и получила свое название. Народные легенды (рисуют Сумбеку очаровательной и добродетельной женщиной, на долю которой досталась жизнь, исполненная горя и страданий" (Иллюстрированный путеводитель "Казань в кармане". Составили Н. и М. Перевощиковы. Казань, 1904, стр. 47).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!